

Элиза Малэк

РУКОПИСНЫЕ СБОРНИКИ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК
КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Основной функцией паремий (в том числе и пословичных изречения; является моделирующая функция. "Суть ее, - по мнению Г. Л. Пермякова, - заключается в том, что обладающая ею паремия дает словесную (или мыслительную) модель (схему) той или иной жизненной (или логической) ситуации"¹. Есть, однако, случаи, когда "пословичные изречения, оставаясь знаками тех или иных жизненных (или мыслимых) ситуаций, сами эти ситуации не моделируют, а, вернее, моделируют опосредованно"². Значение пословиц и поговорок этого типа мы понимаем лишь тогда, когда знаем контекст, из которого они заимствованы (ср., например, пословицу "Остался у разбитого корыта", смысл которой ясен до конца только тому, кто помнит пушкинскую сказку о рыбаке и рыбке).

В рукописных сборниках пословиц и поговорок конца XVII- первой половины XVIII в. находим довольно большое количество таких именно нечленимых пословичных сентенций, смысл которых определяется через текст какого-то более обширного произведения (чаще всего анекдота, фацеции, интермедии и т. п.). Включая их в свои сборники, составители, несомненно, рассчитывали на знание читателями произведения, помогающего восстановить в полном виде ситуативный контекст изречения. Таким образом, благодаря сборни-

¹ Г. Л. Пермяков, К вопросу о структуре паремиологического фонда, [в:] Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895-1970), Москва 1975, с. 255.

² Там же, с. 251.

кам пословиц и поговорок мы получаем интереснейшие свидетельства популярности древнерусских (как оригинальных, так и переводных) произведений. Показательно, что пословицы такого типа удерживаются в рукописных сборниках довольно долго, но в более поздних списках некоторые из них искажаются, что можно расценивать как свидетельство постепенного разрушения связи пословиц с тем литературным контекстом, из которого они заимствованы.

1. "Сказание, как волка грамоте учили"

"Сказание, как волка грамоте учили", рисующее образ хищного волка, жаждущего съест "козы да бараны", известно в настоящее время лишь до двум спискам конца XVII-XVIII вв. и копии, сделанной П. К. Симони³, из чего можно было бы заключить, что оно не пользовалось популярностью у читателей. Однако наличие в рукописных сборниках пословичных изречений, восходящих к этому именно произведению, говорит как раз об обратном⁴.

Рукописные сборники пословиц и поговорок позволяют при этом проследить поэтапно процесс становления пословицы, связанной со "Сказанием". Чтобы наши выводы были более убедительны, приведем вначале полный текст интересующего нас произведения по древнейшему списку конца XVII в., а потом соответствующие паремии.

"Сказание, как волка грамоте учили"

Ты волку молвишь: "аз" да "буки",

А волк говорит: "козы" да "бараны".

Ты ему молвишь: "веди" да "глаголь".

А волк говорит: "видел я овец под горой".

³ Исследователи обычно называют лишь один якобы утраченный список Буслеева, № 92 и цитируют текст "Сказания" по копии, сделанной с этого списка П. К. Симони (ср.: В. Д. Кузьмина, Русский демократический театр XVIII века, Москва 1958, с. 99; Пьесы любительских театров, Москва 1976, с. 553, 608). На самом деле, список Буслеева хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде под шифром О. XVII. 57, а кроме копии Симони известен еще один список, хранящийся в Государственной Библиотеке им. В. И. Ленина под шифром ф. 218, № 90, лл. 66-68 об.

⁴ Пользуясь случаем, отметим, что "Сказание" является русской редакцией басни "Священник и волк", известной в Западной Европе по сборнику "Расширенный Ромул". В переводе М. Л. Гаспарова она звучит так:

"Один священник вздумал учить волка азбуке. Говорит священник 'Б', и волк говорит 'Б'. Говорит священник 'А', и волк говорит 'А'. 'А теперь сложи', - говорит священник. 'По складам не умею', - говорит волк. А свя-

Ты ему молвишь: "добро" да "есть".

А волк говорит: "добро мне овец есть".

Ты волка бей, а он тебя звест за то⁵.

В рукописном сборнике А. И. Богданова, составленном в 1741 г., под буквой В читается изречение: "Его как волка грамоте учить: ты говори аз да буки, а он - возы да бараны"⁶, повторяющее почти дословно заглавие и начальные строки "Сказания", а под буквой К - его сокращенный вариант "Как волка грамоты учить" (с. 85). Промежуточный вариант записан В. И. Татищевым под буквой Е: "Его как волка грамоте учить"⁷.

2. Интермедия "Астролог"

Интермедия "Астролог" рассказывает о приключениях астролога, который, предсказывая по звездам будущее, не замечает ямы под ногами и проваливается в нее. Простой мужик комментирует поведение астролога следующим образом:

Се тебе, глупче, что высоко зриши,

А на землю под ноги не смотриши.

Ты будущая дерзну провещати,

Твоих случаев не возмох познати:

Впал еси в яму темную глубоко

За то, что в небо зрел еси высоко.

Лучше под ноги прилежно смотриши,

Землю обрати, неже в звезды зрети.

Полежи в яме мало, потружайся;

Да ти извлеку, три дня дожидайся⁸.

ценник: 'Что глущается, то и скажи'. - 'Получается, - говорит волк, - по- моему, ба-ра-шек'. Молвит на то священник: 'Да, впрямь, видать, что на уме, то и на языке'. У кого что болит, тот о том и говорит: оттого и поймешь, что у человека лежит на сердце". Цит. по: Басни Эзопа. Перевод, вступительная статья и комментарии М. Л. Г а с п а р о в а, Москва 1968, с. 215-216.

⁵ Цит. по списку ГПБ, Д. XVII. 57.

⁶ Цит. по изданию: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII-XIX веков. Издание подготовили М. Я. М е л ь ц, В. В. М и т р о - ф а н о в а, Г. Г. Ш а п о в а л о в а, Москва-Ленинград 1961, с. 79.

⁷ Там же, с. 52.

⁸ Цит. по: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в., Москва 1972, с. 289.

интермедии П.А. Давыда до нас в единственном списке 1737 г. (в сборнике из коллекции Тихонравова, который в настоящее время хранится в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве под шифром собр. Тихонравова, № 43), что обычно расценивается, как свидетельство об относительно малой популярности. Рукописные сборники пословиц и поговорок и в этом случае могут пролить некоторый свет на проблему рецепции. Оказывается, что в них зафиксирована поговорка, апеллирующая к текст: интермедии и противопоставляющая трезвый житейский опыт ненужной учености - "Всекий знездарь смотрит на небо, да упадет в яму"⁹. В несканенной форме она удерживается до тех пор, пока составителю сборника ясна и понятна ее связь с контекстом, нарисованном в интермедии, когда же эта связь утрачивается, появляются записи типа: "Всекий зверь смотрит на небо, да упадет в яму"¹⁰.

3. Фигурный жарт "О попе и мошеннике"

Жарт о попе и мошеннике из цикла так наз. фигурных жарт, возникших около половины XVIII в.¹¹, сохранился в нескольких списках, но о степени его популярности можно судить и по тому, что в рукописные сборники пословиц и поговорок второй половины XVIII-XIX вв. попадает заключительная "притча", с помощью которой анонимный автор обобщал рассказанную историю. Поскольку жарт о попе и мошеннике до сих пор не публиковался, приведем его полностью по списку Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, колл. Титова, № 1627, л. 80 об.

"О попе и мошеннике"

Деревенской поп для праздника пасхи
поехал купить ризы и пояски,
на которую покупку 100 р. отложил
и, завязав в мешке, за паузу вложил.

⁹ Ср., напр., сборник второй половины XVIII в. из Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Тиханова, № 777, л. 12.

¹⁰ Такую запись встречаем в сборнике, опубликованном Г. Г. Шаповаловой. См.: Псковский рукописный сборник начала XVIII века, "Русский фольклор", Москва-Ленинград 1959, т. IV, с. 311.

¹¹ О фигурных жартах см.: В. Д. Кузьмина, указ. соч., с. 19-20.

И приехал в город на гостиную двор,
 где сво гороздо приметил вор.
 Поп стал готовить ризы торговать
 и хороши ль ему будут, на себя надевать.
 И, надевши, сам на них поглядает,
 а мошенник за прислугу ему похвалнет.
 "Очень, батюшка, ризы-та изрядны,
 и вы в них хорошо куда изрядны,
 да толко на переди-га морщины,
 как на кафтане у простого мужчины.
 Никак от того, что за пазухой лежит,
 извол-ко вынуть, пусть zde полежит".
 Поп бедняк скоро погрешил
 и, вынув денги, на лавке полюбил.
 Мошенник, оборачивая попа: "Изрядно, - говорил, -
 оберни", от лавки денги уловил.
 Лавочник кричит: "Мошенник денги украл".
 Поп бросился за ним и в ризах побежал,
 и кричит: "Держите вора, денги покрал".
 А лавочник кричит: "Поп ризы украл".
 И таки попа поймали, и ризы сняли,
 а мошенник убрался и денги пропали.

Такая простота
 Притча
 хуже воровства

В сборники пословиц и поговорок попала сокращенная версия "притчи", в которой стирается ее связь с частным примером "простоты", нарисованным в жарте (ср.: "Простота лучше воровства" в сборнике Богданова и "Простота. хуже воровства" в сборнике пословиц и поговорок Нижегородской губернии¹²), зато усиливается ее обобщающее, универсальное значение. Такой же вариант пословицы встречаем в сочинении анонимного автора конца XVIII в. п. з. "Похождения ожившего нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совестьдрала, Большого Носа" (Санкт-Петербург 1798, с. 283). Ср.: "Совестьдрал у Маркиза жил, пил, ел и сверх того награжден; а в знак благодарности подговорил людей, сманил любовную девку и обокрал любезного друга нежными руками, за хлеб,

¹² Цит. по: Пословицы, поговорки..., с. 145.

за соль и за гостинку увез с собою вси дорогие Маркизовы вещи. Не мимо ж говорится, что простота хуже воровства".

4. "Апофегматы"

К "Апофегматам" В. Будного, известным на Руси к. XVII-XVIII вв. в трех разных переводах и распространявшимся как в рукописях, так и посредством печати¹³, восходит несколько изречений, попавших в древнейшие сборники пословиц и поговорок.

В трех сборниках XVIII в. находим изречения, парафразирующие заголовок второй части перевода "Апофегмат", в состав которой входили самые популярные апофегмы, приписываемые великим мужам античной древности (ср.: "Кратких и узловатых повестей книга вторая, в ней же положившаяся словеса царей, королей, князей, воевод, синклитик и иных старейшин"¹⁴). Итак, в сборнике В. И. Татищева читаем: "Коротко, да узловато сказано", в сборнике Тиханова № 777 - "Коротко да узловато", а в сборнике Богданова находим несколько искаженную версию того же изречения - "Коротко заузеловано".

К анекдоту о Тиверии из второй книги "Апофегмат" восходит изречение "Доброго пастыря дело, чтоб овец своих стричь, токмо кожи с них не снимать", помещенное в сборнике Тиханова № 777, л. 23. Интересно, что составитель тихановского сборника обратился к тексту анонимного древнерусского перевода (в печатных изданиях этот анекдот отсутствовал), где он звучал так:

Той же (т. е. Тиверий - Э. И.), агда камесницы советоваху, дабы вшыую дань на свое подданье положил, не дадеся увещавати, глаголя: "Доброму пастырю належит стричи волну от овец, а не с кожи их лупити". Отдревле старейшими бедных поселян лупят, но свои лупеиствами неба си не купят (л. 100 об.).

¹³ Известны два рукописных перевода всех четырех книг "Апофегмат" конца XVII в. Автором одного из них является кн. Михаил Кропоткин, автор второго, пользовавшегося значительной популярностью перевода, не известен. Третий, независимый от древнерусских рукописных, перевод появился в 1711 г. и печатался многократно вплоть до 1788 г. В нем отсутствует четвертая часть, т. е. "Кратких и узловатых повестей книга четвертая, в ней же положившаяся гадательства честных жен и благородных дев непростых".

¹⁴ Здесь и дальше все цитаты из "Апофегмат" приводятся по списку конца XVII в. Центрального Государственного архива древних актов в Москве, ф. № 1274, оп. I, дело 3096.

В том же сборнике встречаем еще изречение "Гнев запрещаем есть при наказании", приписываемое Марку Туллию Цицерону, а также сентенции - "Добродетель - наилучшее шляхетство" и "Добродетельного монарха весь свет любит". Приведенные факты лишним раз подтверждают активность читательского восприятия древнерусского перевода "Апофегмат" в XVIII в. Оказывается, что несмотря на появление нового "петровского" перевода, он продолжает читаться и воздействовать на представления читателей о должном и сущем.

5. "Римские деяния"

Сборник назидательных новелл, сопровождаемых толкованиями ("выкладами"), п. з. "Римские деяния" был в конце XVII в. дважды переведен с польского языка: один раз полностью, второй - частично. Списки полного перевода встречаются довольно часто, в то время как неполный известен только в составе одной рукописи. Добавочным свидетельством популярности первого (т. е. полного) перевода является факт проникновения в рукописные сборники пословиц и поговорок некоторых сентенций, обобщающих ситуации, нарисованные в "прикладах".

Итак, в четырех сборниках первой половины XVIII в. читается шесть вариантов мудрого совета, из числа трех премудростей, купленных цесарем Доментяном из "Приклада сиречь притчи, чтобы всяк человек всем добрым размышлением творил". Герой "Приклада" купил у странствующего купца три премудрости, благодаря которым он три раза ускользнул из рук заговорщиков. Первую из них: "Что твориши, мудро твори, а смотри конца" цесарь приказал написать в своих чертогах, на скатертях и даже на полотенцах. И когда через некоторое время заговорщики подговорили цирюльника подрезать горло цесарю, он не смог выполнить их приказание, так как на полотенце, завязанном вокруг шеи цесаря, он увидел мудрый совет: "Что твориши, мудро твори, а смотри конца". Расторопный цирюльник сознался в своей вине и был помилован царем, а заговорщики подверглись наказанию.

Сборники пословиц фиксируют следующие варианты мудрого совета: "Начинаючи дело, о конце размышляя", "Не смотри начала, смотри конец" (сборник Петровской галереи), "Умно делать - смотреть на конец" (собр. Пауса), "Начиняя дело, разсуди о конце", "Не смотри начала, жди конца" (собр. Татищева), "Не смотри на нача-

ло, смотри на конец" (собр. Богданова)¹⁵. Все они предостерегают перед нерасторопностью, перед недостаточно продуманными решениями.

В двух сборниках кон. XVII - первой пол. XVIII в. находим сентенцию "Правда избавляет от смерти"¹⁶, почерпнутую из "Приклада о правде и любви, яко правда избавляет от смерти". В "Прикладе" рассказывается о великой любви и верности двух рыцарей, один из которых жил в Египте, второй в Балдахе (т. е. в Багдаде). Их взаимная любовь была столь сильной, что они хотели друг за друга умереть, принимая на себя мнимую вину другого. Настоящий преступник, тронутый до глубины сердца поступками рыцарей, сознается перед судьей в своем злодеянии, а тот произносит следующий приговор: "Того ради, что еси ты правду сказал, а невинных избавил напрасныя смерти, чини а з ты волна от смерти"¹⁷. Для читателей рубежа XVII и XVIII ст. связь изречения "Правда от смерти избавляет" с ситуацией, нарисованной в упомянутом прикладе, была без всякого сомнения очевидной.

Приведенные параллели между сборниками пословиц и поговорок и рукописными повестями, фацециями, интермедиями и т. п. показывают, как зыбкой была граница между письменной и устной литературой, как быстро и сильно письменность воздействовала на пословичный репертуар. Факты эти должны заинтересовать как историков литературы, так и фольклористов.

Institut
Filologii Rosyjskiej U

¹⁵ Все цитаты по публикации: Пословицы, поговорки...

¹⁶ Ср.: Д. А. Д и т р и е в, Отрывок сборника пословиц XVII в., [в:] Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского дома, Ленинград 1972, с. 37.

¹⁷ Цит. по: Римские деяния (Cesta Romanorum), СПб., 1877-1878, с. 200.

Eliza Małek

РҜКОПИШЕННЕ ЗБИОККИ ПРЗЫСЛОВ I ПОРЗЕКАДЕЛ
ЈАКО МАТЕРИАЛ ДЛА БАДАН НАД РЕПЕРТУАРЕМ ЛИТЕРАТУРЫ РОСЫЈСКЕЈ
ОКРЕСУ ПРЗЕЈСЦИОВЕГО

Wczesne (głównie z końca XVII i XVIII w. pochodzące) zbiorki paremiologiczne stanowią wdzieczny materiał dla badań nad repertuarem i obiegami literatury rosyjskiej. Analiza ich zawartości nie tylko pozwala przedstawić kolejne etapy powstawania pewnej grupy przysłów, lecz przynosi także fakty, którymi powinien się zainteresować historyk dawnej literatury rosyjskiej. Włączanie do owych zbiorów i utrzymywanie się w nich przez lata przysłów będących mniej lub bardziej dokładnymi cytacjami z utworów literatury staroruskiej bądź czytelnymi aluzjami do ich fabuły można - zdaniem autorki - odebrać jako przejaw popularności tych utworów w pewnych kręgach odbiorców. Świadczenia tego rodzaju są szczególnie ważne w tych przypadkach, gdy historycy literatury staroruskiej dysponują jednym bądź kilkoma zaledwie odpisami badanego utworu i skłonni są w związku z tym mówić o stosunkowo niewielkim zasięgu jego recepcji (por. intermedium "Astrolog" czy "Opowieść o tym, jak wilka czytać uczono").